МИХАИЛ НАИМИ

КНИГА МИРДАДА

Необыкновенная история монастыря, который когда-то назывался Ковчегом

ВЕСЬ

Михаил Наими
Книга Мирдада. Необыкновенная история монастыря, который когда-то назывался Ковчегом
Серия «Из мира Ошо (Весь)»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7370850
Наими М. Книга Мирдада. Необыкновенная история монастыря, который когда-то назывался Ковчегом: ИГ «Весь»; СПб; 2015
ISBN 978-5-9573-2899-5

Аннотация

Это загадочное и мистическое произведение принадлежит перу классика современной арабской литературы Михаила Наими, друга выдающегося арабо-американского писателя, поэта, философа и художника Халиля Джебрана. Ошо, просветленный мистик XX столетия, так говорит об этой книге: «„Книга Мирдада“ – одна из моих самых любимых. Она из тех книг, которые будут жить вечно. Если бы должен был составить список великих книг, ее я бы поставил первой». В книге говорится о том, что важно для каждого человека: любовь и

ненависть, вера и предательство, время и смерть, добро и зло. Легенда, философия и поэзия волшебным образом переплелись в этой необыкновенной книге. Ее вековая мудрость и мягкая лиричность образуют экзотический узор восточной притчи.

Содержание

Об авторе 6
История книги 8
Блуждающий монах 8
Каменный склон 14
Хранитель Книги 27
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Михаил Наими
Книга Мирдада. Необыкновенная история монастыря, который когда-то назывался Ковчегом

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Об авторе

Михаил Наими родился в Баскинта – небольшом городке, расположенном на высоком склоне величественной горы Саннин, смотрящей на Восточное Средиземноморье, в самом центре Ливана. Он родился в православной греческой семье и был третьим из пяти братьев и одной сестры. Желание получить образование привело его из сельской школы, организованной русской миссией, в Русский Педагогический Институт в Назарете, в Палестине. Затем он учился в духовной семинарии в Полтаве, на Украине, и после этого поступил в Вашингтонский университет в Соединенных Штатах, где в 1916 году получил дипломы об окончании гуманитарного и юридического факультетов. В том же году он переехал в Нью-Йорк, где вместе со своим близким другом Халилем Джебраном основал движение по возрождению арабской литературы. После смерти Джебрана и двадцати лет жизни в Америке (прерванной лишь на год, когда он с 1917 по 1918 служил в рядах американской армии во Франции), он вернулся домой в живописный Баскинта в Ливане, где посвятил себя размышлениям и написанию книг о глубочайшем смысле бытия. Михаил Наими умер в 1988 году. Все его произведения, а таковых 31, признаны классическими во всем арабском мире и многих других странах. В англоговорящих странах он широко известен как автор «Книги

Мирдада», которая переведена на многие европейские языки. Другие работы Наими, написанные на английском языке – «Воспоминания странствующей души, или Рябое лицо», «До того, как мы встретились» и «Биография Халиля Джебрана», который был его лучшим другом и компаньоном в течение шестнадцати лет.

История книги

Блуждающий монах

В глубине Молочных гор, на Алтарной Вершине, возвышается мрачный монастырь. Некогда он назывался Ковчег. Время не щадит его, и скоро на этом месте останутся лишь руины. История его возникновения теряется во мраке веков – по преданиям, он появился здесь вскоре после Всемирного Потопа.

Множество сказаний повествует о Ноевом Ковчеге. Одну такую историю услышал я от жителей селения, где жил как-то жарким летом. Сидя в тени гор, я внимал рассказу.

Спустя годы после Потопа Ной со своей семьей, которая к тому времени сильно разрослась, добрался до Молочных

гор. Здесь они обнаружили плодородные долины, полноводные реки и мягкий климат, и решили поселиться в одной из долин.

Когда Ной почувствовал, что дни его сочтены, он призвал к себе сына Сэма, чьи помыслы отличали глубина и возвышенность. Когда тот пришел, Ной обратился к нему со словами: «Сын мой! Урожай лет твоего отца более чем богат. Ныне последняя копна ждет своего серпа. Ты и твои братья, и ваши дети, и дети ваших детей вновь заселите осиротевшую Землю, и семена ваши будут как песчинки в море, потому что так обещал Господь.

Но одна мысль терзает меня неотступно на закате дней моих. Вскоре люди забудут о Потопе, о плотских страстях и злобе, послуживших причиной наказания. Они забудут и о Ковчеге, и о Вере, что помогла нам пять тысяч сто дней бороться с яростью жаждущих мщения глубин. И не вспомнят они о Новой Жизни, которую несет собой наша Вера, хотя сами станут сынами ее.

Дабы не случилось этого, прошу тебя, сын мой, воздвигни алтарь на самой высокой вершине здешних гор и назови ее Алтарной. Затем вокруг алтаря построй дом, формой точь-в-точь как ковчег, но только гораздо меньше, и назови его Ковчегом.

Над алтарем сим я хочу в последний раз возблагодарить Всевышнего. Я зажгу огонь и прошу тебя беречь и поддерживать его, чтобы он горел вечно. Дом же станет святым

прибежищем небольшой группы избранных людей. Их всегда должно быть девять – не больше и не меньше, и станут они зваться Братством Ковчега. Когда один умрет, Бог тут же приведет кого-то на место ушедшего. Они не будут покидать монастырь до конца дней своих, ведя жизнь уединенную, исполняя заветы нашего Ковчега. Поддерживая огонь веры, будут они молить Всевышнего наставить их на путь истинный, и будут молиться за каждого из братства. Существовать они смогут на пожертвования верующих».

Сэм, внимавший каждому слову отца, прервал его и спросил, почему их должно быть девять, не больше и не меньше. Ответ гласил: «Девять – ибо таково было число тех, кто правил Ковчегом».

Сэм смог насчитать только восемь человек: его отец и мать, он сам со своей женой, да двое его братьев с женами. Поэтому слова отца показались ему еще более странными. Ной, видя его затруднение, продолжил: «Я открою тебе великую тайну. Девятый пассажир прокрался на корабль тайком. Только я знал о нем, и только я мог его видеть. Он был моим рулевым. Не спрашивай меня больше, но не забудь построить комнату и для него. Таково мое желание, Сэм. И тебе предстоит исполнить его».

Сэм сделал все, как велел отец.

Когда Ной покинул этот мир, дети похоронили его под алтарем в Ковчеге.

С течением времени Ковчег стал принимать пожертво-

вания верующих больше, чем это было необходимо, чтобы прожить. С каждым годом богатство монастыря росло. Монахи приобретали земли, золото, серебро и драгоценные камни.

Несколько поколений назад, когда один из девяти братьев умер, в ворота монастыря постучался странник и попросил принять его в братство. По нерушимому обычаю, его должны были принять в ту же минуту, ведь он был первым, кто постучался в ворота храма после смерти брата. Но Старейшиной братства на тот момент оказался человек своенравный и жестокосердный. Ему не понравился вид странника: тот был бос, оборван и изранен. И Старейшина отказал ему под предлогом, что он недостоин стать их братом.

Странник настаивал, чтобы его приняли. Старейшина разозлился и приказал ему немедленно убираться. Но странник продолжал стоять у ворот. В конце концов, Старейшина согласился взять его в качестве слуги.

Долго после этого Старейшина ждал, когда же провидение пошлет им нового брата взамен умершего. Но никто не пришел. Так впервые в истории Ковчега в храме стали жить восемь братьев и один слуга.

Прошло семь лет. Ничье богатство не могло сравниться с богатством братии. Монастырские земли простирались на многие мили вокруг. Старейшина был счастлив и стал выказывать расположение страннику: «Ты принес Ковчегу удачу!»

Но на исходе восьмого года все изменилось. Мирное прежде братство охватили враждебные настроения. Старейшина приписал все неудачи страннику и решил выслать его из монастыря, но увы, было уже поздно. Монахи под предводительством странника больше не подчинялись правилам, им было все равно, что говорил Старейшина, они не желали его слушать. В течение двух лет братья распродали все имущество. Тем, кто арендовал монастырские земли, они отдали их в свободное владение. На третий год они покинули монастырь. Но самое страшное – странник наложил на Старейшину проклятие. Отныне Старейшина должен был оставаться в монастыре до скончания дней, а уста его навеки сомкнулись – Старейшина стал нем.

Так гласит легенда.

Нашлось немало свидетелей, уверявших меня, что много раз видели Старейшину. Иногда днем, иногда ночью, бродит он среди стен опустевшего, разрушенного временем храма. И никому не удавалось заставить его произнести хоть слово. Каждый раз, почувствовав чье-либо присутствие, он исчезает неизвестно куда.

Услышанная история лишила меня покоя. Образ одинокого монаха, блуждающего долгие годы по дворам древнего святилища там, на пустынной Алтарной Вершине, захватил мое воображение. Беспрестанно возникал он перед моим мысленным взором, и неодолимое желание тянуло меня к храму.

В конце концов, я сказал себе: «Я пойду туда».

Каменный склон

К западу от моря стоит крутая Алтарная Вершина, открытая всем ветрам. Угрюмо и неприветливо смотрит она на мир, а на самом верху расположен бывший храм. К нему ведут две извилистые узенькие тропинки, каждая бежит по краю обрыва – одна шла с севера, другая с юга. Я же решил идти своим путем. По середине между двумя тропами, спускаясь с вершины и доходя почти до самого подножья, виднелся узкий ровный склон, который показался мне самой легкой дорогой к вершине. Склон притягивал меня с неодолимой силой, и я решил пойти по нему.

Когда я рассказал о своем желании одному из местных жителей, он в страхе воззрился на меня, и, молитвенно сложив ладони, воскликнул:

«Каменный склон? Не будь глупцом! Разве тебе совсем не дорога жизнь?! Многие пытались сделать это до тебя, но никто не вернулся, чтобы рассказать о своих страданиях. Каменный склон? О нет, ни за что, ни за что!»

Он стал настаивать на том, чтобы провести меня в горы. Я вежливо отклонил его предложение. Как ни странно, его ужас подействовал на меня с точностью до наоборот. Вместо того чтобы отпугнуть, он лишь укрепил мою решимость.

И, вот ранним утром, когда ночная тьма уже почти рассеялась, я стряхнул с себя ночные сны, взял посох, семь буха-

нок хлеба и отправился в путь, на Алтарную Вершину. Слабое дыхание угасающей ночи, быстрый ритм зарождающегося дня, настойчивое желание узнать тайну блуждающего монаха и еще более настойчивое желание освободиться от себя самого, хотя бы на миг, каким бы кратким он ни был, – все это окрыляло меня и будоражило кровь.

Я отправился в путь с песней в сердце и твердым намерением исполнить задуманное. Но когда, спустя довольно продолжительное время, я достиг, наконец, подножия склона и окинул предстоящий мне подъем взглядом – песня застряла у меня в горле. То, что издали виделось ровной тропой, на деле оказалось непроходимой кручей. Всюду, куда ни посмотри, в высоту и в ширину – лишь камни, разного размера и формы, маленькие и большие, острые как шипы, и плоские, как заточенные ножи. Никаких признаков жизни. Впечатление было гнетущим. Я ощутил вдруг, как безотчетный страх ледяной волной окатил мое сердце. И все же я не хотел отказываться от своего плана.

Вспомнив горящие глаза доброго человека, отговаривавшего меня от этой затеи, я призвал всю свою решимость и стал взбираться по склону. Вскоре я понял, что, уповая лишь на помощь своих ног, я не сильно продвинусь вперед. Я скользил на каждом шагу, а шорох осыпающихся камней походил на предсмертный хрип – казалось, некий исполин, задыхающийся в мучительной агонии на дне пропасти, посылает мне вдогонку свое последнее проклятие. Чтобы хоть

как-то двигаться, мне приходилось цепляться за подвижные камни ступнями, руками и коленями. Как же позавидовал я тогда ловкости горного барана!

Я карабкался зигзагами все выше и выше, не давая себе ни малейшей возможности отдохнуть, потому что боялся, что ночь застанет меня в пути. Мне совсем не хотелось возвращаться.

День был уже на исходе, когда я вдруг ощутил острый приступ голода. До этого я вовсе не думал ни о еде, ни о питье. Буханки хлеба, завернутые в платок, которым я обвязался вокруг талии, сейчас казались бесценными. Я присел, достал хлеб и уже приготовился было проглотить первый кусок, как звон колокольчика, а вместе с ним плач тростниковой флейты заставили меня остановиться. Я был поражен. Сколь необычно было слышать подобные звуки здесь, в этой каменной пустыне!

Из-за скалы, справа от меня, появился крупный черный баран, скорее всего, вожак. Не успел я удивиться, как меня со всех сторон окружили бараны. Из-под их копыт тоже сыпались камни, но не так оглушительно, как это было в пору моего подъема. Вдруг, словно дождавшись приглашения, все стадо под предводительством вожака бросилось к хлебу. Они уже почти выхватили его у меня из рук, но тут раздался голос пастуха, загадочным образом возникшего прямо передо мной. Это был молодой человек поразительной внешности: высокий, сильный, с лучезарной улыбкой. Набедренная

повязка была единственным его одеянием, а тростниковая флейта – единственной ношей.

– Мой вожак избалован, – произнес он тихо. – Я кормлю его хлебом, когда он у меня есть. Но те, у кого есть хлеб, редко посещают эти места. – Он повернулся к барану и сказал: – Видишь, как благосклонна к нам Судьба, мой преданный вожак? Никогда не ропщи на Судьбу.

После чего нагнулся и взял буханку. Полагая, что он голоден, я предложил ему:

– Мы разделим эту скудную еду. Здесь достаточно хлеба для нас обоих и для вожака.

Но, к моему крайнему изумлению, он кинул первую буханку баранам, затем вторую и третью, и так все семь буханок, откусывая от каждой по кусочку. Я был потрясен до глубины души и содрогнулся от гнева. Но, сознавая, что теперь уже ничего не исправишь, решил успокоиться и держать себя в руках. Озадаченно взглянув на пастуха, я произнес, наполовину умоляющее, наполовину с упреком:

– Теперь, когда ты скормил хлеб голодного человека баранам, неужто ты не напоишь его овечьим молоком?

– Молоко моих овец – яд для глупцов, а я бы не хотел, чтобы мои овцы были повинны в смерти, пусть даже дурака.

– Но в чем же моя глупость?

– В том, что ты взял с собою семь буханок хлеба, как будто путешествие займет семь жизней.

– Что ж, по-твоему, мне надо было взять семь тысяч?

– Ни одной.

– Отправляться в такое долгое путешествие без еды – ты это мне советуешь?

– Путь, который не снабжает путника, не стоит того.

– Значит, мне нужно есть камни и запивать их по́том?

– В твоей плоти достаточно еды, а в крови – влаги.

– Ты насмехаешься надо мной, пастух. И все же я не буду смеяться над тобой в ответ. Тот, кто съел мой хлеб, хоть и оставил меня голодным, становится моим братом. Дело к ночи, и я должен продолжить свой путь. Не скажешь ли ты мне, далеко ли еще до вершины?

– Ты очень близок к Забвению.

С этими словами он поднес флейту к губам и зашагал прочь, унося с собой причудливый мотив, звучавший, точно жалоба из преисподней. Вожак пошел следом, а за ним потянулось и все стадо. И долго еще я различал сквозь гул осыпающихся камней их блеяние и плач тростниковой флейты.

Отогнав мысли о еде, я попытался восстановить силы и решимость, отнятые у меня пастухом. Если уж ночи суждено застать меня средь этих мрачных глыб, то я должен, по крайней мере, отыскать место, где мог бы вытянуть уставшие ноги, не опасаясь скатиться вниз. Итак, я снова принялся ползти вверх по склону. Глянув вниз, я едва мог поверить, что взобрался так высоко. Подножья горы уже не было видно. Вершина же казалась вполне достижимой.

Когда совсем стемнело, я добрался до небольшого камен-

ного грота. И хотя камни нависали над пропастью, дно которой терялось во мраке, я все же решил заночевать здесь.

Острые камни, исполосовавшие мою обувь, не пощадили и моих ног. Кровь на ступнях запеклась, и когда я попытался снять сапоги, мне пришлось отдирать их. Мои ладони также были изранены, а ногти походили на кору, сорванную с сухого дерева. Одежда же превратилась в лохмотья. Голова была тяжелой, будто налита свинцом, и я не мог думать ни о чем другом, кроме сна.

Сколько я проспал – мгновение, час или вечность – я не знал. Я проснулся оттого, что какая-то сила тянула меня за рукав. Испугавшись и еще не до конца придя в себя, я приподнялся и увидел перед собой молодую девушку с тусклым фонарем в руке. Она была обнажена. Черты ее лица и фигура были изящны и тонки. За рукав же меня тянула старуха, настолько же безобразная, насколько красива была девушка. Холодный озноб прошиб меня с головы до пят.

– Видишь, как благосклонна к нам Судьба, детка? – произнесла старуха, наполовину стащив с меня куртку. – Никогда не ропщи на Судьбу.

Язык отказывался мне повиноваться. У меня не было сил ни говорить, ни сопротивляться. Тщетно я призывал свою волю – казалось, она покинула меня навсегда. Совершенно беспомощный, я был в руках этой старухи и ее дочери, несмотря на то что мог бы выгнать их из пещеры запросто, если бы только захотел. Но в том-то и дело, что у меня не

было сил даже захотеть.

Не удовлетворившись одной только курткой, старуха стала раздевать меня дальше, до тех пор, пока я не оказался совершенно голым. Раздевая меня, она отдавала одежду девушке, и та облачалась в нее. Фонарь отбрасывал неверные тени на стену пещеры. Казалось, они исполняли какой-то танец: силуэты двух женщин сливались с силуэтом моего обнаженного тела, разъединялись вновь, – и картина эта наполнила меня ужасом и отвращением. Я наблюдал за ними, совершенно не понимая, что происходит, и не мог произнести ни слова, хотя именно слова сейчас мне были так необходимы, они были бы единственным моим оружием в том уязвимом положении, в котором я оказался. Наконец, с трудом ворочая языком, я произнес:

– Если ты, старая женщина, потеряла всякий стыд, то я нет. Я стыжусь своей наготы, даже перед такой бесстыжей ведьмой, как ты. Но еще более мне стыдно перед невинностью этой девушки.

– Она унесет твой стыд, ты же облачись в ее невинность.

– Зачем девушке носить изодранные мужские лохмотья того, кто заблудился в горах в такую ночь?

– Возможно, чтобы облегчить его ношу, а также согреться. Бедняжка дрожит от холода.

– Ну, а если мне станет холодно, что мне тогда делать? Тебе совсем меня не жаль? Моя одежда – это все, что у меня есть сейчас на этом свете.

– Чем меньшим обладаешь ты, тем менее ты этим одержим.

Чем большим обладаешь ты, тем более ты этим одержим.

Чем более ты одержим, тем меньше ценен сам.

Чем менее ты одержим, тем больше ценен сам.

Пойдем отсюда, дитя мое.

Она взяла девушку за руку и собралась уходить. Сотни вопросов наполняли мой ум, но лишь один сорвался с моих губ:

– Прежде чем ты уйдешь, старая женщина, не будешь ли ты так добра сказать мне, далеко ли я нахожусь от вершины?

– Ты на краю Черной Пропасти.

Их причудливые тени мелькнули в последний раз, когда они вышли из пещеры и исчезли в черной, как сажа, ночи. Волна холодного воздуха, неизвестно откуда взявшись, обдала меня с головой. За ней последовали еще более темные и еще более холодные волны. Казалось, что сами стены пещеры дышат холодом. Меня начало трясти. Мысли лихорадочно проносились в голове: бараны, пасущиеся на камнях, насмешливый пастух, эта старуха с девушкой, я, голый, весь в синяках и ссадинах, голодный, холодный, в полубреду, в этой пещере, на краю пропасти… Близок ли я к своей цели? Доберусь ли я до вершины? Кончится ли когда-нибудь эта

ночь?

Постепенно, однако, я начал приходить в себя, и тут услышал собачий лай и вновь увидел свет прямо перед собой.

– Видишь, как благосклонна к нам Судьба, возлюбленная моя? Никогда не ропщи на Судьбу. – Голос принадлежал дряхлому старику, сгорбленному, с длинной бородой и трясущимися коленями. Возглас его был обращен к женщине такой же древней, как он сам, беззубой, лысой, тоже сгорбленной и трясущейся. Не обращая на меня внимания, он продолжал все тем же сдавленным голосом, который, казалось, с трудом вырывался из горла: – Превосходные хоромы для нашей первой брачной ночи и чудесный посох взамен того, что ты потеряла. С таким посохом ты больше никогда не споткнешься, возлюбленная моя. – С этими словами он поднял мой посох и отдал ей. Она склонилась над ним, нежно и ласково поглаживая морщинистой рукой. Затем, будто только сейчас заметив меня, он добавил: – Путник сейчас уйдет, любовь моя, и мы останемся одни и насладимся волшебными снами.

Его слова, подкрепленные рычанием собаки, прозвучали для меня как приказ, которому я был не в силах противостоять. Исполненный ужаса, я наблюдал за происходящим будто во сне, и как во сне я встал и направился к выходу из пещеры, отчаянно пытаясь произнести хоть слово, чтобы защитить себя. Наконец, мне это удалось:

– Вы взяли мой посох. Неужели вы будете так жестоки,

что выгоните меня из пещеры, которая является моим прибежищем на эту ночь?

– Блаженны не имеющие посоха,
Ибо не собьются они с пути.

Блаженны бездомные,
Ибо они уже дома.
И только заблудившимся, таким, как мы,
Нужен посох.
И только привязанным к дому, таким, как мы,
Нужен дом.

Так они пели, готовя себе ложе, вонзая длинные ногти в землю и разравнивая ее. Они пели, не обращая никакого внимания на меня. В отчаянии я закричал:

– Взгляните на мои руки! Взгляните на мои ноги! Я странник, сбившийся с дороги, потерявшийся на пустынном склоне. Я кровью умастил свой путь. Я не знаю, куда идти дальше по этой ужасной горе, так хорошо знакомой вам. Вы что? Не боитесь кары небесной? Дайте мне хотя бы ваш фонарь, если уж не разрешаете мне остаться в пещере этой ночью!

– Любовь невозможно опустошить.
Свет невозможно разделить.
Люби и увидишь.
Свети и будешь.

Когда закончится ночь,
И погаснет день,
А земле наступит конец,
Куда отправится путник?
Найдется ли тот, кто отправится в путь?

Я решил прибегнуть к мольбам, хотя и понимал, что от этого будет мало проку, поскольку непреодолимая сила выталкивала меня из пещеры:

– Добрый старик, добрая женщина! Я совсем окоченел и еле разговариваю от усталости, я не буду для вас ложкой дегтя в бочке меда. Я тоже когда-то вкусил любви. Я оставлю вам мой посох и мое скромное убежище, которое вы выбрали для вашей брачной ночи. Но лишь об одном прошу я вас взамен: поскольку вы не даете мне ваш фонарь, не будете ли вы столь любезны проводить меня к выходу из пещеры и указать мне путь к вершине? Я потерял направление и равновесие. Я не знаю, высоко ли я забрался и сколько мне еще идти.

Не обращая внимания на мою просьбу, они продолжали петь:

– Тот, кто поднялся так высоко, на самом деле остался внизу.

Тот, кто решил, что других обогнал, на самом деле отстал.

Слишком чувствительный лишился чувств,
Красноречивый остался без слов и говорить перестал.
Прилив и отлив – всего лишь теченье одно.

Без указателей выйдешь туда, куда надо.
Тому, кто отдать готов, будет сполна воздано.
А слишком великому все будет мало.

Последнее, на что я отчаялся – я умолял их сказать, в какую сторону мне идти после выхода из пещеры. Ведь смерть могла поджидать меня на каждом шагу, а я не хотел умирать. Затаив дыхание, я ждал ответа, но они запели другую, не менее странную, песню, оставив меня в еще большем недоумении и негодовании, чем прежде:

– Горы и скалы, и твердые камни.
Мягкое, нежное дно пустоты.
Ястреб и ворон, олень и улитка,
Лисы и зайцы, мышь и коты.
Общего яду отведав,
Общей вкусили беды.
Смерть посулит благодарность,
Коль ей доверишься ты.
То, что внизу, оно ж и вверху.
Умри, чтобы жить, иль живи ради смерти.

Свет фонаря мерк по мере того, как я полз на четвереньках к выходу из пещеры. Собака преследовала меня, как будто хотела убедиться, что я действительно уйду. Темнота была такой густой, что я буквально ощущал ее черную тяжесть, от которой слипались глаза. Я больше не мог оставаться в пещере ни минуты, и собака сзади подтверждала это.

Осторожное движение. Еще одно осторожное движение. Третье – и я почувствовал, как гора выскользнула у меня из-под ног, черный водоворот захватил меня, и, задыхаясь, я ощутил, что лечу куда-то вниз, вниз, вниз…

Последнее, что мелькнуло в сознании, когда я кружился в пустоте Черной Пропасти, были те отвратительные жених и невеста. Последние слова, которые я пробормотал перед тем, как мое дыхание замерло, были их слова:

«Умри, чтобы жить, иль живи ради смерти».

Хранитель Книги

«Восстань, о счастливый путник! Ты достиг цели».

Вместе с этими словами ко мне вернулось сознание. Я почувствовал жар и нестерпимую сухость во всем теле и понял, что изнываю от жажды. Я приоткрыл глаза. Сперва я ничего не мог разобрать, так как солнце било мне прямо в лицо, но через несколько мгновений я увидел склонившегося надо мной человека в черном одеянии. Я лежал на земле, а он заботливо смачивал мне губы водой и ласково отирал кровь с моих ран. Определить его возраст было почти невозможно. Взгляд его был глубок и проницателен. Вид его, пожалуй, можно было назвать грозным, если не устрашающим – грузного телосложения, с крупными чертами, косматой бородой и копной спутанных волос, он производил впечатление человека большой физической силы. Несмотря на это, его прикосновения были мягкими и ободряющими. Он помог мне сесть. Еле слышным голосом я спросил:

– Где я?

– На Алтарной Вершине.

– А где пещера?

– За тобой.

– А где Черная Пропасть?

– Перед тобой.

Как же велико было мое изумление, когда я увидел пря-

мо перед собой зияющую пропасть, а оглянувшись, действительно обнаружил пещеру. Я сидел на самом краю. Я попросил мужчину отвести меня в пещеру, и он с готовностью исполнил мою просьбу.

– Кто вынес меня из Пропасти?

– *Тот*, кто привел тебя на Вершину, должно быть, спас тебя.

– Кто это?

– *Тот*, кто сковал мой язык и велел оставаться здесь, на Вершине, сто пятьдесят лет.

– Значит, ты и есть блуждающий монах?

– Он самый.

– Но ты разговариваешь, а тот нем.

– Ты развязал мой язык.

– Но он сторонится людей, а ты, похоже, совсем меня не боишься.

– Я избегаю всех, кроме тебя.

– Ты никогда прежде не видел меня. Почему же ты избегаешь всех, кроме меня?

– Сто пятьдесят лет я ждал твоего прихода. Сто пятьдесят лет, не пропуская ни единого дня, в любую погоду, мои грешные глаза вглядывались в даль каменного склона, ища человека, который взойдет по нему, как ты, без посоха, одежды и еды. Многие пытались сделать это, но ни один из них не был без посоха, без одежды и без еды. Я наблюдал за тобой вчера целый день. Я оставил тебя ночевать в пещере, а утром, на

заре, нашел бездыханным. И все же я не сомневался, что ты жив. И вот, ты сейчас живее, чем я! Ты умер, чтобы жить, а я живу, чтобы умереть. Да! Слава *его* имени! Все именно так, как *он* обещал. Все так, как должно быть. Без сомнения, ты – избранный.

– Кто?

– Благословен будет тот, в чьи руки я отдам святую книгу, тот, кто познакомит с нею мир.

– Книгу?

– *Его* книгу – Книгу Мирдада.

– Мирдад? Кто такой Мирдад?

– Возможно ли, что ты не слышал имени Мирдада? Странно. А я думал, что его имя распространилось по миру так же, как оно наполняет землю под моими ногами, воздух, который меня окружает, и небеса надо мной. Священна эта земля, о странник, его ступни касались ее. Священен этот воздух, его легкие наполнялись им. Священно здешнее небо, Мирдад смотрел в него.

Произнося эти слова, монах почтительно нагнулся, поцеловал землю три раза и замолчал. Какое-то время мы оба не произносили ни слова. Наконец, я сказал:

– Ты говоришь загадками. Кто этот человек, которого ты называешь Мирдад?

– Выслушай меня, и я расскажу тебе то, что мне позволено рассказать. Меня зовут Шамадам. Я был Старейшиной Ковчега, когда один из девяти монахов умер. Едва душа ушед-

шего отлетела в мир иной, как мне сказали, что у ворот храма дожидается странник. Я сразу понял, что Провидение привело его к нам, чтобы он занял место только что умершего брата. Я должен был бы возрадоваться, что Господь все еще не оставил Ковчег, как и во времена нашего отца Сэма.

Тут я перебил монаха и спросил, правда ли то, что люди внизу рассказали мне, что будто бы Ковчег был построен старшим сыном Ноя. Он торжественно подтвердил:

– Все, что рассказали тебе, – истинная правда.

Затем он продолжил прерванный рассказ:

– Так вот, я должен был возликовать. Но по какой-то причине, которая находилась вне пределов моего разума, обнаружил я в своем сердце сопротивление. Еще даже не взглянув на странника, я всем своим существом уже был настроен против него. И я решил отвергнуть его, полностью осознавая, что тем самым нарушу незыблемый закон, и, конечно, отвергну Того, кто привел путника к нашим вратам.

Когда же я открыл ворота и увидел его, совсем юного, мое нутро переполнилось желчью, которую я был готов излить на него. Раздетый, разутый, очевидно, изголодавшийся, лишенный какого бы то ни было средства защиты, даже посоха, он выглядел беспомощным. И все же, благодаря свету, исходившему из его глаз, он выглядел более защищенным, чем рыцарь, облаченный в латы с ног до головы, и гораздо старше, чем ему можно было дать на вид. Все внутри меня восставало против этого юноши. Каждой частицей своей души

я жаждал его погибели. Не спрашивай меня, почему. Быть может, потому, что взгляд его был настолько проницателен, что обнажал мою душу, и я испугался, я не хотел открывать ее никому. А быть может, его чистота, сорвав покровы, выявляла мою собственную грязь, и я расстроился, что нечем укрыть ее. Возможно, между нашими звездами шла многовековая вражда. Кто знает? Кто знает? Лишь Он может сказать.

Резко и безжалостно я произнес, что он не может быть принят в братство, и повелел ему тот же час убираться восвояси. Он стоял на своем и спокойно советовал мне передумать. Его совет я воспринял, как оскорбление, и плюнул ему в лицо. И снова он был тверд и настойчив. Медленно вытирая лицо, он вновь посоветовал мне изменить решение. Когда он вытирал слюну с лица, мне показалось, что это я оплеван. Я чувствовал, что проиграл, и где-то в самой глубине души признал, что битва была неравной, что он сильнее меня.

Как всякое уязвленное самолюбие, мое не сдавалось до тех пор, пока не увидело себя растоптанным и брошенным в грязь. Я уже почти был готов исполнить просьбу этого человека, но прежде мне хотелось усмирить его. Конечно, это было невозможно.

Вдруг он попросил принести ему что-нибудь, во что он мог бы одеться, и что-нибудь поесть. Тут я снова воспылал надеждой. Вооруженный голодом и холодом против него, я

верил, что смогу победить. Это было жестоко с моей стороны, но я отказался подать ему кусок хлеба, сказав, что монастырь живет на пожертвования и не может разбрасываться своим имуществом. То была вопиющая ложь, поскольку монастырь был слишком богат, чтобы отказать в пище и одежде тому, кто в них нуждался. Я хотел заставить его умолять. Но он не умолял. Он просил так, как будто имел право, и в его голосе мне послышался приказ.

Схватка наша продолжалась долго, но никто не выиграл. Победителем был он с самого начала. Чтобы как-то скрыть свое поражение, я в конце концов предложил ему остаться в монастыре в качестве слуги – слуги, и не более. Это, как мне казалось, усмирит его. Тогда я так и не понял, что это я был просителем, а не он. Чтобы окончательно утвердить мое унижение, он, не проронив ни слова, согласился на мое предложение. Если бы я только знал тогда, что, беря его в монастырь, я тем самым подписывал себе приговор. До самых последних дней я цеплялся за призрачную иллюзию, что я, а не он, был хозяином Ковчега. Ах, Мирдад, Мирдад, что же ты сделал с Шамадамом! Ах, Шамадам, что же ты сделал с самим собой!

Две крупных слезы, скатившись, оросили его бороду. Его рассказ тронул мое сердце, и я произнес:

– Умоляю тебя, не рассказывай мне больше о человеке, воспоминания о котором обращаются в слезы.

Но он ответил:

– Не волнуйся, о благословенный посланник. То былая гордыня Старейшины вымывается слезами желчи. Былая власть его скрежещет зубами, сопротивляясь власти Духа святого. Пусть гордыня рыдает, это ее последние слезы. О, если б взгляд мой не был столь затуманен земными благами, когда впервые встретился с тем небесным взглядом! О, если б уши мои не были столь забиты мудростью земной, когда впервые услышали мудрость божественную! О, если б язык мой не был столь косен горькой сладостью плоти земной, когда впервые столкнулся с языком духа! Да, я пожал и пожну еще плоды моих никчемных иллюзий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.